



Камни для царевны

Елена Янѣ

Линия души

Елена Янге

Камни для царевны

«РОСМЭН»

2018

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Янге Е.

Камни для царевны / Е. Янге — «Росмэн», 2018 — (Линия души)

ISBN 978-5-353-08778-6

Девятиклассница Ариша – мечтательница и фантазерка. Представить себя царевной Лебедью? Проще простого. Сочинять стихи? Легко. Быстро набрать популярность в Инстаграме? Почему бы и нет. Ведь придумывать невероятные истории – это Аришин конек. Но как справиться с неожиданными последствиями этой популярности? Как отличить, кто верный друг, а кто предатель? Как бедной царевне защитить свои крылья от летящих в нее камней?

УДК 821.161.1-31-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08778-6

© Янге Е., 2018

© Росмэн, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава	8
Глава	11
Глава	14
Глава	16
Глава	19
Глава	22
Глава	24
Глава	27
Глава	30
Глава	33
Глава	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Елена Янге Камни для царевны

Серия «Линия души»

© Елена Янге, текст, 2018

* * *



*Моим детям Мите и Кате
с радостью и любовью.*

Пролог

«Торопись медленно», – не раз говорила бабушка, но я торопилась быстро. Всегда. И наконец доторопилась.

В тот день я спешила в кино. Меня никто не ждал, я не опаздывала, тем не менее неслась как угорелая. И, срезав путь, попала под машину. Помню серую тень, визг тормозов, заполошный крик. Надо мной плыли облака. Небо было везде. Сверху, снизу, справа и слева. Большое, с искрами золотых лучей. Искры менялись местами, и мне казалось, что это части какого-то огромного пазла. Я заморгала, и появились глаза. Две бесконечно чистые капли. Из глаз вылетели лучи. Они побежали по небу, как волшебные кисти. И оставили картину. Ночь, облако, звездная пыль. На облаке – Ангел. Я сижу на его ладони и смотрю вниз.

– Тебе пора, – сказал Ангел.

– Хочу остаться с тобой, – ответила я.

– Нет, нужно лететь.

– Но почему нет?

– Ты, дорогая, еще в пути...

Послышалась сирена «скорой помощи». Ближе, ближе... Опять визг тормозов. Голоса. Белые халаты. Боль.

Меня положили на каталку и сделали укол. Белый потолок, яркий сноп света и темнота. Открыв глаза, увидела доктора.

– Здравствуй, Ариша, – сказал он.

– Здравствуйте, – ответила я.

Ответила тихо, чуть слышно. И неудивительно.

Я не могла шевелиться. Лежала, как бревно, и косила глаза на загипсованные руки и ноги.

– Теперь не надо спешить, – сказал доктор.

Вздыхнув, ощутила боль. Она пронзила грудь и ушла в позвоночник.

– Теперь лежи и вспоминай. Чем больше, тем лучше.

– Что вспоминать? – хрипло спросила я.

– Прошедшую жизнь.

– Но зачем?

– Ты словно второй раз родилась. А в новую жизнь надо войти налегке.

Меня охватила тревога.

– Почему трудно дышать?

– Ушиб грудной клетки и пара трещин на ребрах, – весело пояснил доктор. – Но это – пустяки. Два месяца в гипсе, и можно плясать.

Присев на кровать, он сказал:

– Позволь дать тебе совет: собирай ягоды.

– Где – в больнице? – удивилась я.

– Ну да. Ягоды – в лукошко, камни – за забор. Камни – все плохое, что вспомнишь, а все хорошее – ягоды. Их нужно беречь пуще глаза.

– Зачем?

– Когда будет грустно, когда охватит уныние, вдохнешь то, что накопила, и тебе аукнется радостью.

Доктор вынул из кармана фотографию.

– Знаешь законы Вселенной? – спросил он.

– Нет, – честно призналась я.

– Первый закон звучит так: подобное притягивает подобное. Если думаешь о плохом, притягиваешь плохое. И наоборот.

Доктор пришил фотографию к стене. Скосив глаза на снимок, я увидела каркас из железных прутьев. Каркас был набит камнями и изображал человека, низко склонившегося к земле.

– Эта скульптура стоит перед Музеем искусств в штате Невада, – пояснил доктор. – Некая иллюстрация того, что бывает с человеком, копившим по жизни камни.

И я поверила доктору.

И, отделив камни от ягод, я поняла, что ягод в моей жизни было гораздо больше.

А поняв это, я повзрослела.



Глава 1 Инстаграм

До девятого класса мою жизнь можно было назвать относительно счастливой. Если в меня и летели камни, то немного и небольших размеров. Однако в девятом классе начался камнепад. Я не успевала уворачиваться, и некоторые камни, попавшие в меня, оставили вполне ощутимые следы. Например, Инстаграм.

В эту социальную сеть меня затащила Люська. Она тусовалась в Инстаграме давно – с тех пор, как заразилась фотографией. За это время у Люськи сложились свои предпочтения, так называемые «нюансы». Решив, что Люська выпендривается, я зашла к ней в Инстаграм и... пропала. Люськины фотографии хватали за душу. Нюансы были во всем – во взгляде изображенных, в движении, позе, фоне и куче других вещей. Взять, например, фото котенка, глядящего на отражение в луже. Лапа зависла, в глазах – удивление. Дескать, ты кто?

Думала, знаю Люську – ан нет. Оказалось, что самое сокровенное Люська прятала. Эта мысль сбила с толку, и первой моей реакцией было возмущение. «Что за секреты? И от кого?»

– Может, и меня тайно снимаешь? – спросила я.

– Снимаю, – призналась Люська.

– Покажи.

Включив компьютер, Люська открыла фотографии, лежащие в папке «Ариша». И я увидела себя. На первой – брови домиком, изо рта торчит зубочистка. Видимо, что-то решаю. На второй стою у окна. Сквозь ухо пробивается солнце. Такое реальное, что можно почувствовать тепло. А вот дачные снимки. Ту фотосессию я запомнила хорошо. Люська нарядила меня в сарафан, заставила распустить волосы. Потом сплела венок. Какой-то странный венок. Он состоял из колосков и ромашек. Колоски колыхались на ветру и, судя по Люськиным словам, дополняли мой образ. Помню, как Люська стала командовать. Иди туда, встань, повернись, обопрись на изгородь, погляди на реку, раскинь руки, подпрыгни... Короче, мучила меня полчаса. Однако фотографии получились отличными. Прежде всего потому, что Люська поймала эмоции. Чего только здесь не было. Радость, смех, раздражение, бешенство, нега, отстраненность...

– Выкладывала в интернет? – спросила я.

– Нет, – ответила Люська. – Сама размещай, если хочешь.

– Кому это интересно?

– Прежде всего тебе.

– Мне-то зачем?

– Увидишь себя со стороны.

Вроде пошутила, вроде и нет. Однако удалось зародить интерес. Прежде всего к мысли обратить на себя внимание. Я зарегистрировалась в Инстаграме и назвала свой аккаунт «АААS». В моем названии не было ничего оригинального. Мое полное имя – Арина Андреевна Асина, сокращенно АААS.

Пока регистрировалась, пока создавала профиль, возникло желание приколоться, и в качестве аватарки я выбрала фото большого пальца левой руки. Верней, кулак с вытянутым большим пальцем. Прикол был в том, что, назвав палец мистером Па, я стала рисовать на нем рожицы. Они изображали эмоции – удивление, гнев, обиду, доброжелательность, зависть, любовь, ненависть... Эти эмоции я изображала не только на пальце, но и на лице. И, сделав фото, размещала их в Инстаграме.

С каждой неделей количество подписчиков моего блога увеличивалось. И через пару месяцев я стала в Инстаграме заметной фигурой. Среди подростков, конечно. Я получала множество лайков и пребывала в состоянии эйфории. Меня знают, ко мне ходят – значит, я нравлюсь. Классное ощущение.

Я купалась в лучах заслуженной славы, и мне было хорошо. Мистер Па радовал и меня, и других. Оно и понятно. Прикольный, живой, веселый. Типа «точка, точка, два крючочка...». Но ведь он был не сам по себе. Мистер Па изображал эмоции. Пытаясь разобраться в эмоциях, я часами сидела на сайтах, связанных с психологией. И все потому, что хотела понравиться. Кому? Виртуальным друзьям. Кому же еще?

Порой интересные идеи приходили от Люськи. Она, например, придумала фею Настроения. Вскоре у феи появился портрет. Длинные волосы, правильный овал лица, тонкие руки. Платье феи На было украшено блестками, на пальцах сверкали кольца. Однако лицо оставалось пустым, и, так же как на большом пальце левой руки, я могла рисовать на нем все, что захочется. А как-то раз, придав фее На грозное выражение лица, я подписала:

«Фея На – не в настроении».

И тут же появился комментарий:

«Может, она пообщалась с Аффектом?»

Коммент принадлежал пользователю с ником Куб. Я полезла в словарь и вот прочла: «Аффект – бурная реакция, возникающая при невозможности найти выход из критической ситуации».

Ну что же – все ясно. Я нарисовала мистеру Па грозное выражение лица и, сделав фото, выложила его в Сеть. Под фото разместила подпись: «Фея На побывала в гостях у Аффекта, и мистер Па пришел в бешенство».

«Оно и понятно, – последовал ответ Куба. – Заразился, наверное».

С тех пор Куб оставлял в моем блоге кучу комментариев, в которых, как мог, проявлял свой «талант». Звучали они так: «Мистер Па сел на клопа», «мистер Па и мисс Жо», «фея На полюбила кабана». Вроде бы глупости, но я воспринимала их вполне серьезно, и кайф от общения в Инстаграме мало-помалу пропадал.

Вместо кайфа появилось раздражение. Конечно, я себя накрутила, но мне казалось, кто-то невидимый, грязный и подлый топтался в моем личном пространстве. К тому же смеялся надо мной. Почти как клякса из известного мультика. Но в мультике художник вывел противную кляксу, а у меня не было взрослых помощников. Те времена, когда рассказывала маме и папе обо всем, что случилось, давно прошли – и это нормально.

О моих проблемах знала одна только Люська. Она вступилась и тут же получила обратную связь. Пробежавшись по Люськиному блогу, Куб нагадил и здесь.

А народ потешался. Всем, кроме нас, было ужасно весело. Типа смотри, приколы. А вот второй, и третий, и четвертый... Популярность выросла, количество троллей тоже. Они бегали по моему блогу и гадили, где могли. И я вступила на тропу войны. Банила троллей, язвила, шутила, пыталась высмеять – словом, создавала бучу. Получив бан, Куб исчез с моего горизонта, но вместо него появились Треугольник, Пирамида, Ромб и прочие тролли. Они трепали нервы, портили настроение.

Мне бы уйти из Инстаграма, но я не могла. Боролась, возмущалась, тратила время и силы. Люська поступила умнее – она создала защиту. Люська вела подзамочные записи, и в ее блог могли зайти только избранные. Я же продолжала размахивать руками. И вскоре получила комментарий:

«Спасибо, дура набитая! Повеселила».

Комментарий принадлежал пользователю с ником Rediska. Зайдя в профиль, не увидела ничего интересного. Одни только смайлики, ссылки, перепосты.

«Все ясно, – подумала я. – Очередной тролль».

Мне бы смолчать, но увы – не смогла. И ответила так, как сгоряча отвечают испокон веков:

«От дуры и слышу».

И тут же получила ответный удар.

«Асина, я ошиблась. Сорри! Думала, ты – дура набитая, а ты на самом деле клиническая».

Выпав в осадок, я долго рыдала, потом полезла в поисковик. Мне не терпелось узнать разницу между «дурой набитой» и «дурой клинической». И я узнала. Оказывается, «дура набитая» – оптимистка и рассуждает здраво, однако любит влипать в дурацкие ситуации. Потом попадает в философию, типа «могло быть и хуже», вновь влипает и так продолжается бесконечно. А «дура клиническая» в свободном выгуле не встречается. Поэтому изучается только в специальных медицинских учреждениях.

Я начала копать этот вопрос и вскоре узнала, что дур – целая куча. Среди них есть дуры романтические, стервозные, упертые, ревнивые, невезучие, домашние, гулящие, грациозные, старые, хитрые, артистичные. Я задумалась: какие дуры мне ближе всего? И поняла: дура романтическая. Ибо с ней у меня много общего. Итак, дура романтическая:

1) В детстве любила сказки про принцев и принцесс.

Я обожала подобные сказки.

2) У дуры романтической развито воображение, и она может легко представить себя и принцессой, и Золушкой, и Красной Шапочкой...

У меня с воображением все в порядке.

3) Дура романтическая – легкий и общительный человек, наделенный чувством юмора.

Я – легкий, общительный человек, наделенный чувством юмора.

Словом, все ясно.

Пока читала про дур, ко мне пришло осознание, что дурой клинической не могу быть по определению – данная категория наблюдается в специальных заведениях. Так что остаются «дура набитая» и «дура романтическая».

«Кто же ближе?» – спросила себя.

И честно ответила: «Обе».

И тут дошло: Rediska знает мою фамилию. Но откуда? Этот вопрос я могла задать только Люське.

– Понятия не имею, – ответила она.

– Может, ты случайно меня обозначила?

– Этого не может быть. И вообще... кончай эту бодягу.



Глава 2 «А» в кубе

Со сломанными ногами не поторопишься, поэтому я начала размышлять. Доктор был прав: как только перестанешь спешить, тебя заполняют мысли. Всякие. О жизни и смерти, боли и тоске, обидах и страхах...

Я вспомнила себя маленькую и поняла: в раннем детстве мы радуемся всему. Увидел птичку, и рад. Типа: «Смотри, смотри! Птичка на подоконнике!» Или залез в лужу и ловишь кайф. Хорошо, честное слово. Мама болтает с соседкой, а ты идешь по грязи и радуешься. Прежде всего тому, что никто не мешает. Вода хлюпает под ногами, проникает в ботинки, а тебе интересно, что будет дальше. Плакать будешь потом – когда накажут. Но тут же и поцелуют, и приласкают. Ведь маленьких жалко, они – беззащитные. Вывод очевиден: крупные ягоды прячутся в первых годах нашей жизни. Меня это не удивило. Маленьких любят за то, что они есть. Разве не так?

Помню, когда мне исполнилось пять лет, папа спросил:

– Ариш, хочешь посмотреть на свое свидетельство о рождении?

Мог бы не спрашивать. Все, что связано с рождением, у меня вызывало интерес.

– Конечно, – ответила я.

Папа открыл портмоне и, достав свидетельство, указал на первую строчку.

– Читай.

– Асина Арина Андреевна. Родилась двадцать первого марта две тысячи второго года.

– Скажи забавно? – улыбнулся папа. – «А» в кубе.

– Только куба нам не хватало, – проворчала бабушка. – Ариша и без него в облаках витает.

– Вот и хорошо, что летает, – заметила мама. – Полет воображения характерен для неординарных детей.

Я не поняла, о чем идет речь. А слово «неординарные» и выговорить не могла. И надо сказать, мне это не понравилось. Дело в том, что я любила все представлять. Стоило узнать что-то новое, я создавала образ и укладывала его в память. Вот так и получалось, что образы жили в голове, словно в домике. Они дружили между собой, враждовали, рассказывали друг другу сказки. А я ходила к ним в гости.

Для пяти лет я знала немало. В этом, конечно, заслуга родителей. Мама – Светлана Михайловна – работала в поликлинике детским врачом, папа – Андрей Васильевич – директором школы. И от моих вопросов они не уклонялись. А вопросы я задавала непростые. Например: «Почему небо голубое, а вода мокрая?» Или: «Куда пропала роса?»

Однако вернемся к рождению. Из маминых слов следовало, что я родилась в санатории. Это показалось мне необычным.

– А почему?

– До твоего рождения я отдыхала в санатории для беременных, – призналась мама. – Там лечатся и отдыхают.

– Ты болела? – испугалась я.

Мама вздохнула.

– У нас уже была одна девочка. Но мы ее потеряли.

«Была девочка, а теперь ее нет. Как могло такое случиться?»

– Почему потеряли?

– У меня были трудные роды. Малышка не выдержала и... умерла.

Мне стало не по себе. Я знала, тот, кто умер, переставал двигаться. Не понарошку – по-настоящему. Я видела, как в тазу умер карп, которого купил папа; как в варенье затихла оса; как муравей попал под ногу... Да что говорить, смерть невозможно понять. Плавал, летал, ползал... Потом бац, и затих. Еще я видела, как хоронили соседку. Взрослые плакали и говорили: «Хорошая была женщина. Жаль, что ушла навсегда».

Что значит навсегда?

Вот и сестренка... Не успела появиться на свет, как ушла навсегда.

Мне было нетрудно догадаться, как плакали родители, как они горевали. И я поклялась, что никогда не уйду навсегда.

– Тот санаторий находился в Москве, в парке Сокольники, – продолжила мама.

– И в том парке – липовая аллея, – улыбнулась я.

– Была. Но откуда ты знаешь?

– Видела.

– Это исключено, – сказала мама.

Она отправилась готовить обед, а я погрузилась в себя. Откуда-то издалека появилась картинка. И я увидела клумбы с цветами, каменный корпус, деревья с зеленой листвой. Да-да, так все и было. Я смотрела на парк с высоты и улыбалась. А рядом кружились дети. Множество крошечных детей. Я подлетела к аллее. Среди деревьев стояла женщина в синем платье. На ее плечах колыбался белый воздушный шарф. Я посмотрела на женщину и поняла: это – мама, и она ждет меня.

– Ну что, фантазерка, будешь обедать? – вернувшись в комнату, спросила мама.

– Можно задать вопросик?

Мама улыбнулась: «Ох уж эти вопросы».

– Какое на тебе было платье?

– Когда?

– Когда ты была в санатории, в котором меня ждала.

– По-моему, синее.

– И ты его носила с белым шарфом?

– Да-да, с белым шифоновым шарфом... погоди, а ты откуда знаешь?

– Видела.

* * *

Из санатория, где родилась, меня привезли в Потаповский переулок. Тогда мои родители жили в коммунальной квартире, и, помимо комнаты, которую они занимали, здесь были еще две комнаты, кухня и большой холл. Позже я узнала, что у мамы и папы была своя отдельная квартира, но очень маленькая. Родители ее сдавали, а деньги, которые им платили, откладывали на трехкомнатную квартиру. Она появилась позже – в 2010 году, когда мне исполнилось восемь лет.

Сначала со мной сидела мама. Когда она вышла на работу, приехала бабушка. Мамину маму звали Анной Ивановной. Она жила в деревне и Москву не любила. Бабушка прожила у нас год и вернулась в деревню.

– Если бы не астма Анны Ивановны, Ариша как сыр в масле каталась бы, – проводив бабушку, сказал папа.

«Чудные они, эти взрослые, – думала я. – Порой скажут такое, что понять невозможно».

Я качала куклу и думала, как можно совместить меня, сыр и бабушкину астму в придачу? И что за радость кататься в масле? Судя по словам папы, это – предел мечтаний. Решив уложить куклу спать, я затянула колыбельную:

*– Ой, люли-люлюшеньки.
Баиньки-баюшеньки...*

Кукла Маша смотрела в потолок и, казалось, о чем-то думала.

– Закрой глазки и спи, – строго сказала я.

Но глазки Маша закрыть не могла: она была неморгучей куклой. Накрыв ее платком, я подошла к сундучку. В нем хранились мои драгоценности: колечко, подаренное бабушкой, блески, ракушки, серебряный крестик...

«Зачем распяли Христа? – вспомнив разговор с бабушкой, подумала я. – И что означает фраза «страданием спас человечество?» Какие страдания, какое человечество?»

В бабушкиных словах о Христе таилась недосказанность, и это мне нравилось. Я обожала таинственность.



Глава 3 Закадычная подруга

Если бы меня спросили, на какую ягоду похожа Люська, я бы не задумывалась ни на минуту. «На облепиху», – ответила бы я. Яркую, рыжую, с косточкой внутри. Косточка – это Люськины тайны. Их у нее много. Захочет – расскажет; не захочет – жди подходящего момента.

Я познакомилась с Люськой накануне первого класса. В тот день я ждала маму у подъезда. Помню, к подъезду подъехала машина, и из нее выпрыгнула рыжая девочка. Она походила на Пеппи Длинныйчулок. Веснушчатый нос, торчащие вверх косички, широкая улыбка. Не хватало туфель с длинными носами.

– Привет! – крикнула девочка.

– Привет, – ответила я.

– Ты здесь живешь?

Я кивнула.

– Давай дружить? Меня Люськой зовут.

Люська протянула руку, испачканную зеленкой.

– Ариша, – сказала я.

– Правда прикольно? Я пузырек с зеленкой опрокинула.

Я кивнула. Действительно прикольно. Рыжие волосы и зеленая рука. С тех пор началась наша дружба. Мы с Люськой вместе ходили в школу, вместе обедали, вместе гуляли, вместе делали уроки.

– Хорошая у тебя подруга, – как-то сказала мама. – Такой можно доверить свои тайны.

– Люська – моя закадычная подруга, – ответила я.

– О том речь. А у меня не было закадычной подруги.

– Почему? – удивилась я.

– Не встретила.

* * *

Люська жила вдвоем с мамой. В их квартире все было не так, как у нас. На диване лежали шелковые подушки, на столе стоял канделябр, на занавесках колыхались вышитые драконы. Большую часть спальни занимала кровать, на которой мы с Люськой делились секретами. Такой кровати я ни у кого не видела. Кровать была спрятана за бархатным балдахином.

– Мама помешана на восточной культуре, – пояснила Люська. – Когда вырасту, мы поедем в Китай. Или в Японию. Мама говорит, что там увидим сказку и быть в одном флаконе.

– Что значит «в одном флаконе»? – спросила я.

– Жизнь наяву и в сказке одновременно.

Люська и Варвара Петровна любили полумрак, запах свечей, сказочные разговоры. И я все это любила. Однако у нас дома таких разговоров не было. Родители работали с утра до вечера, и им было не до сказок. А Люськина мама была в свободном полете. Она так и говорила: «Свободна, как птица. Хочу, лечу на юг; хочу, на север». На самом деле Варвара Петровна никуда не летала. Но и на месте никогда не сидела. Она работала журналистом и чуть ли не каждый день ездила на разные мероприятия. Глядя на нее, я решила, что, когда вырасту, тоже буду журналистом.

* * *

После первого класса в жизни Люськи случилось большое событие – Варвара Петровна купила дачу. Дача находилась в подмосковной деревне Перечистово. Здесь мы с Люськой проводили все выходные. На даче нам нравилось все – и деревянный дом, и сад, и луговина, и жасмин под окном, но главное – это свобода.

К купленной даче прилагался Рекс – немецкая овчарка. Прежние хозяева уехали за границу и собаку с собой не взяли. После их отъезда Рекс заскучал. Он выл, бегал к калитке, с надеждой смотрел на дорогу. Затем затих. То ли смирился, то ли переключился на нас с Люськой. Мы создавали буруны и погрузиться в печаль не давали. Наши буруны накрывали дачу в воскресные дни, а в будни Рекс сторожил. Он бродил по лужайке, лежал на крыльце и два раза в день ходил столоваться к соседке – добрейшей Зинаиде Ивановне. Та налиwała Рексу суп и оставляла у миски кость. Харчи Рекс отрабатывал, ибо охранял две территории – свою и Зинаиды Ивановны.

У Зинаиды Ивановны не было ни кошек, ни собак. Из живности у нее был кролик по имени Цезарь. Зинаида Ивановна обращалась с кроликом как с римским патрицием. И все потому, что Цезарь стоил больших денег. Время от времени Рекс подбегал к кроличьей клетке и долго глядел на Цезаря. Кролик не обращал на собаку внимания. То ли потому, что вечно жевал, то ли считал Рекса плебеем.

И вот на майские праздники с Цезарем произошла неприятная история. В тот день мы с Люськой сидели в саду и принимали солнечные ванны. И тут из-за кустов вылез Рекс. В зубах он держал дохлого Цезаря.

- Рекс задушил кролика, – прошептала Люська.
- Ничего себе! – воскликнула я.
- Что же нам делать?
- Отмыть Цезаря и посадить в клетку. Баба Зина не догадается.

Идея Люське понравилась. Она посадила Рекса на цепь и, вытащив Цезаря из его пасти, положила на траву. Затем принесла таз, шампунь, старое полотенце. Стараясь не смотреть на кролика, мы с Люськой вымыли его, высушили на солнце и, расчесав шерсть, со всеми предосторожностями проникли на территорию бабы Зины. Приоткрыв кроличью клетку, мы посадили в нее Цезаря. Мало того, Люська подобрала морковку, валявшуюся у клетки, и сунула Цезарю в зубы.

Затем мы вернулись к себе и, усевшись под яблоней, замерли.

Не прошло получаса, как показалась Зинаида Ивановна.

- Ой, девоньки, беда, – увидев нас, запричитала она. – То ли заболела, то ли с ума схожу.
- Может, водички принести? – предложила Люська.
- Какая тут водичка. Голова кругом.

Услышав соседкины ахи-охи, из дома вышла Варвара Петровна.

– Что случилось? – спросила она.

– Да вот вчера Цезаря похоронила, – растерянно ответила баба Зина. – Сегодня смотрю, в клетке сидит. Чистый, пушистый... в зубах морковка...



Глава 4 Ветерок

Среди мальчишек нашего класса Сашка Ветров выделялся всегда. Все его звали Ветерком. Кличка отражала характер и прикрепилась намертво. В девятом классе Сашка поменял имидж и, по словам Люськи, превратился в прибалтийского франта.

«Люське видней, она наполовину литовка», – рассуждала я.

До поры до времени Ветерок не вызывал у меня ни симпатий, ни антипатий. Однако тринадцатого сентября 2016 года все изменилось. В тот день мы с Люськой пришли в школу с кульком баранок. Вывалив баранки на тетрадь по литературе, мы приступили к завтраку, и в это время появился Ветров. На нем были бежевые брюки, вязаная жилетка, рубашка цвета кофе с молоком, замшевые ботинки. Вьющиеся каштановые волосы падали на лоб замысловатыми кольцами, за плечом болтался рюкзак с многочисленными карманами.

– Конфетки, бараночки... – пропел Ветров и, подойдя к нам, сощурил глаза.

– Угощайся, – кивнула Люська.

Нанизав баранку на палец, Ветерок приобнял нас за плечи. Люська рассмеялась и повела плечом, я же покрылась испариной. Сама не пойму почему. Раздался звонок, и в класс вошла Эльвира Васильевна – учительница литературы.

– Доброе утро, – сказала она. – Начнем с домашнего задания. Насколько я помню, вам было задано выучить одно из стихотворений Есенина. Так что начнем. К доске пойдет...

Красный ноготь Эльвиры Васильевны пополз вниз по списку и, остановившись посередине, резко поднялся вверх. Класс замер.

– К доске пойдет Ветров.

Раздался вздох облегчения, и Сашка пошел к учительскому столу. Поправив жилет, он начал:

*– Месяц рогом облако бодает,
В голубой купается пыли.
В эту ночь никто не отгадает,
Отчего кричали журавли.
В эту ночь к зеленому затону
Прибегла она из тростника.*

Сашка улыбнулся и, ласково поглядев на меня, продолжил:

*– Золотые космы по хитону
Разметала белая рука.
Прибегла, в ручей взглянула прыткий,
Опустилась с болью на пенек.
И в глазах завяли маргаритки,
Как болотный гаснет огонек.*

Я ощутила взгляды одноклассников на каждом участке своего тела. Вскинув голову, я заглянула в глаза Ветрова и неожиданно для себя увидела грусть. Сашка опустил взгляд и, вздохнув, сказал:

– В этом стихотворении есть еще четыре строки, но, извините, забыл.

- Садись, четыре, – отозвалась Эльвира Васильевна.
- Красный ноготок взлетел вверх, и в наступившей тишине прозвучало:
- К доске пойдет Асина.
- Я встала.
- Можно с места?
- Читай, – великодушно разрешила учительница.

*– Ты еще жива, моя старушка,
Жив и я. Привет тебе, привет.*

По классу пролетел смешок.

– Тише, – поджав узкие губы, прикрикнула Эльвира Васильевна. – «Письмо к матери» – одно из лучших стихотворений Есенина.

Не споткнувшись ни разу, я дочитала стихотворение до конца и, получив пять, уселась за парту.

– Молодчина, – прошептала Люська.

Кивнув Люське, я погрузилась в себя. Я не следила за красным ноготком, не слушала объяснений, я пребывала в состоянии раздвоения. С одной стороны – беззвучное движение губ Эльвиры Васильевны, с другой – незнакомый мир, в который погрузил меня Ветров. Вольно или невольно, но погрузил. В том мире царила ночь. Золотые блески летали по черному небу, месяц обнимался с облаком, над камышами шелестел ветер, журчал ручей, а на переднем плане выделялась фигура девушки. У меня не было сомнений – на берегу ручья сидела именно я. Повзрослевшая, с округлыми формами, с распущенными волосами. Та я обладала неведомым для меня опытом и появившейся из ниоткуда щемящей тоской.

Стоило прозвенеть звонку, как эта картинка исчезла. Однако свой след оставила. Будто прелюдия. А к чему, непонятно. То ли к новому опыту, то ли к новым чувствам. Так или иначе, с этого дня жизнь изменилась. Внутри меня поселились нежность и грусть. А снаружи царило внимание Ветрова и удивление Люськи. Она не могла понять, что происходит. А у меня не было слов, чтобы ей объяснить.

– Ты еще жива, моя старушка? – раз за разом спрашивал Ветров.

Фыркнув в ответ, я улыбалась. Мне эта шутка нравилась.

– Чего он к тебе пристал? – удивлялась Люська. – Может, влюбился?

Услышав эти слова, я замкнулась в себе. Люська не приставала. Она знала мой характер. Пока не созрею, не расскажу. Так продолжалось два месяца. За это время я возненавидела себя. Прежде всего за то, что попала в сети. Крепкие, из веревок. Они напоминали гамак. Такой, как у Люськи на даче. Я любила валяться в гамаке и, глядя сквозь дырки, не раз размышляла о том, что гамак по большому счету и есть настоящая сеть. Для кого? Для существа, не умеющего летать или прыгать. Теперь таким существом стала я.

Я висела над землей и сквозь веревочные окна смотрела на Ветрова. Меня волновал только он. Как выглядит, во что одет, с кем говорит, кому улыбается, на кого смотрит, у кого списывает... Сумасшествие, и только. Большой, светлый, интересный мир, в котором жили мама, папа, бабушка, Люська, исчез. Исчезли Перечистово, Рекс, классики, вышибалы, походы в парк, любимые книжки, пение, горячие булочки, шоколадное масло... Сотни тысяч достойных вещей и событий отошли в сторону и уступили место мирку, наполненному одним человеком. Ужас, ужас и ужас!!!

Дело дошло до того, что я купила записную книжку и стала записывать фразы, которые говорил Сашка.

«Асина, у тебя нет запасной ручки?»

«Не знаешь, что нам задали по истории?»

«Математичка – полная жесьть, скажи?!»

«Видел тебя на стадионе. Классно катаешься. И костюмчик тебе идет».

«Если натереть эбонитовый стержень, он эбонёт». Затем украшала эти фразы. Я рисовала над ними цветы и вензеля, обводила слова цветными карандашами. Таким образом проявляла любовь. Ну разве не дура? Дура. Только не знаю какая – набитая или романтическая.

Шли дни, и мою любовь к Ветрову заметили посторонние. Не Сашка – нет, он видел только себя. И даже не Люська. В тот месяц она помогала матери с ремонтом квартиры и на все остальное у нее не было сил и времени. Мою любовь заметила бета-троица. Не потому, что я афишировала свою любовь. Наоборот, прятала как могла. Но спрятать любовь от бета-троицы было нереально. Эти девицы были просто настроены на выявление сердечных тайн и последующее их обсуждение.

Однако этот позор я пережила позже, а до него превратилась в клоуна. Да-да, я стала развлекать одноклассников. Не знаю, что на меня нашло, раньше такого я за собой не наблюдала. То ли заразилась дурью от Ветрова, то ли дурь была своей, но раньше глубоко сидевшей внутри. И вот вышла наружу. Дескать, смотрите на меня. И аплодируйте стоя.



Глава 5 Вставная челюсть и зеленые глаза

Первый мой розыгрыш назывался «вставная челюсть». Челюсть имела отношение к бабушке.

Бабушка приезжала в Москву нечасто. Тому были свои причины: деревенское хозяйство, бабушкина астма, нелюбовь к городам вообще и к Москве в частности.

– Выйдешь на городскую улицу, людей много, а чувствуешь себя будто в лесу, – не раз говорила бабушка.

– Почему? – удивлялась я.

– Не докричишься ни до кого.

Я спорила, говорила, что в Москве много добрых людей, однако бабушка со мной не соглашалась.

– В город ехать – только толчки принимать.

Но решать проблему с зубами бабушка приехала не куда-либо еще, а именно в Москву. Все потому, что в районной больнице сделали такой неудобный протез, что носить его было невозможно. Прогостив у нас месяц, бабушка уехала домой с новой челюстью, а старую положила в стакан и забыла о ней. Вот эту челюсть я и нашла. За шторой, на подоконнике. Сначала, конечно, испугалась. Неудивительно. Зубной протез – зрелище не из приятных. Затем придумала розыгрыш.

Я вынула челюсть из стакана, вымыла ее с мылом и, подойдя к зеркалу, приложила к своим зубам. Собственное отражение мне понравилось: оно могло напугать кого угодно. Проблема состояла в том, что челюсть во рту не держалась. Но я нашла выход. Открыв холодильник и покопавшись в лекарствах, я обнаружила сосновую смолу. Ею и закрепила челюсть во рту. Полюбовавшись на себя в зеркало, я завернула челюсть в салфетку и убрала в портфель до поры до времени.

В день розыгрыша Люська болела, и за партой я сидела одна. Пока Нина Ивановна писала у доски, я незаметно вставила челюсть в рот, закрепила ее смолой и высоко подняла руку. Обернувшись к классу, Нина Ивановна решила, что мне непонятно условие задачи. Она подошла к моей парте, и тут я широко улыбнулась. Математичка взвизгнула и отступила назад. Взглянув на меня, одноклассники заржали. Громче всех Ветров. Урок был сорван, и меня выгнали из класса.

Я чувствовала себя героем. Прикололась, выделилась, заставила о себе говорить. Я не сомневалась: теперь обо мне будут рассказывать другим, и я обрету славу. Признаюсь, хотелось в нее окунуться. А что? Сколько можно стоять в стороне и исполнять роль примерной девочки? Эта роль хороша для ботана, а я таковым никогда не была.

Но, как ни странно, Нина Ивановна меня не наказала. Мало того, не сказала Клавдии Григорьевне – нашему классному руководителю. И, обнаглев, я выдала ту же схему на уроке истории. Незаметная установка челюсти – поднятая рука – истошный крик учительницы – смех одноклассников – сидение до конца урока в коридоре на подоконнике.

На сей раз я не осталась без наказания. Меня вызвали в учительскую, поставили два за поведение, обещали позвонить отцу. Учителя знали, что он директор соседней школы, однако до поры до времени к нему не обращались. Прежде всего потому, что я не давала повода. И вот теперь повод появился. Однако мне было «по барабану», в голове стучала единственная мысль: «Я – ЗВЕЗДА, Я – КРУТАЯ».

И тут случилось нечто неожиданное. В школу приехал зубной врач. Именно в тот день. Как по заказу. Узнав эту новость, одноклассники приготовились к новому представлению. И я оправдала их ожидания. Нацепив бабушкину челюсть и прикрываясь ладонью, я отправилась в кабинет стоматолога. Врачу было лет двадцать пять. Совсем молодой. Чтобы обеспечить удовольствие зрителям, я оставила дверь полуоткрытой. Одноклассники прильнули к щели, а я уселась в стоматологическое кресло.

– Открой рот, – сказал врач.

Я убрала ладонь. Можете мне поверить, я хотела только приколоться. Однако не просчитала последствий. Врач дернулся и, рассыпав инструменты, свалился со стула. Похоже, он ударился. Но я этого не видела. За дверью грохнул гомерический хохот, а я пулей рванула в раздевалку.

«Надо из школы сваливать», – подумала я.

Через двадцать минут я уже сидела у Люськи. И только приступила к рассказу, как позвонил папа. Он сказал одну только фразу:

– Срочно зайди ко мне.

Оставив у Люськи рюкзак, я отправилась в папину школу. Она была метрах в пятистах от нашего дома. По этой причине я в свое время в нее не пошла. К тому же папа боялся особого отношения – дескать, директорская дочка. Помню, он так и сказал:

– Не хочу никакой предвзятости. Будешь учиться, как все.

Папина позиция меня устраивала. Я давно поняла: чем больше контроля, тем хуже. Однако контроль все-таки нужен. Незаметный. Ведь без контроля всякое может случиться. Взять, например, нас с Люськой. Мы так распоясываемся на даче, что черти потирают копыта от радости. Одни «зеленые глаза» чего стоят. Помню, эта история началась с того, что Варвара Петровна подарила Люське дракона с большими, светящимися во тьме глазами. Нам с Люськой дракон понравился. Мягкий, большой, теплый. Но вскоре дракон «ослеп». Он валялся в кладовке и пялился пустыми глазницами в никуда. Наткнувшись на дракона, Варвара Петровна спросила:

– А где глаза?

– Рекс съел, – ответила я.

Варвара Петровна как-то странно взглянула на меня и ничего не сказала. Ночью она пошла в туалет, в это самое время лампочка возьми и перегори. И на стене, прямо перед туалетом, вспыхнули два глаза. Варвара Петровна как закричит...

Нам с Люськой досталось. Мы ведь и забыли, что приклеили драконьи глаза в коридоре. К нашему оправданию стоит добавить, что, если бы не Варвара Петровна, мы бы не додумались до этой шутки. Именно она нас спросила:

– Слышали про зеленые глаза?

– Нет, – ответили мы.

– Когда была маленькой, эта страшилка ужасно пугала.

Мы с Люськой попросили рассказать. Оно и понятно. Как можно пройти мимо страшилки?

– Одной девочке приснились зеленые глаза, – начала Варвара Петровна. – Они бегали по стене, а глухой мужской голос говорил: «Бегут, бегут по стенке зеленые глаза, сейчас они задушат тебя, тебя, тебя...»

Чем закончилась история с зелеными глазами, мы с Люськой так и не узнали. К Варваре Петровне пришла соседка, и они взялись рассуждать о саженцах и других неинтересных вещах. Однако стишок мы запомнили и не раз им пугали друг друга. А когда появился дракон, поняли, вот он – наш шанс поиграть в страшилку.

Ну и поиграли.

Воспоминания о зеленых глазах вызвали у меня улыбку, с ней я и вошла в кабинет отца.

- Садись, – сказал папа. – Что произошло в школе?
 - Ничего особенного, – ответила я. – Просто я прикололась.
 - Положи сюда челюсть.
 - Папа постучал по столу.
 - Она у меня в рюкзаке.
 - За эту дурацкую шутку ты будешь наказана. «О, это уже интересно. До сих пор папа меня не наказывал».
 - Как?
 - Я еще подумаю, как тебя наказать. А теперь можешь идти.
- И я пошла. Без всякого раскаяния. В довершение ко всему у меня появилось ощущение, что я зазвездила. И это ощущение мне понравилось.



Глава 6 Дух колдуна Ванэги

Меня наказали рублем. Ничего лучшего папа не придумал. Он не давал деньги в течение недели, и маме запретил это делать. Наказание было неприятным, оно привело к тому, что я стала заниматься. Прежде всего у Люськи. И еще оказалось, что папа не просчитывал последствий, и наши отношения ухудшились.

Спустя две недели после «челюсти» в школе объявили карантин. Ученики получили незапланированные каникулы, и первый день я провела у Люськи. После обеда к Люське зашла Наташа – наша одноклассница, и, чтобы развлечься, мы решили провести спиритический сеанс. Люська предложила вызвать дух колдуна Ванэги Тарэги.

– Первый раз о таком слышу, – сказала Наташа.

– Ты что – не знакома с индейскими колдунами? – спросила Люська.

Люськины губы дрожали от смеха, на лице вспыхнули веснушки. Это был знак: Люська входит в кураж. Уж я-то ее знаю.

– Ни с какими колдунами я не знакома, – смутилась Наташа.

– Тогда слушай.

Воткнув в волосы пару перьев, Люська взяла нас с Наташей за руки и потянула в центр комнаты. Подчиняясь Люськиной воле, мы сели на пол и закрыли глаза.

– Повторяйте за мной, – сказала Люська.

Сделав паузу, она запела:

– Япутко, хибиро, полтла-а-ах!

– Япутко, хибиро, полтла-а-ах! – повторили мы.

– Мамхлапинатакай!

В это время в соседней комнате что-то загремело. Решив, что к нам прибыл дух индейского колдуна, мы захлопнули дверь в комнату и подвинули к ней кресло. Стук усилился. Мало того, нам показалось, что стучат не только в комнате, но и на кухне.

– Колдун не один, с ним прибыли другие духи, – прошептала Наташка.

– Не бойся, – сказала Люська. – Надо снять одежду и обмотаться простынями.

– Зачем?

– Не задавай вопросов. Чтобы прогнать колдуна, каждый из нас должен быть в белом.

Мы побросали одежду, и тут оказалось, что Наташины трусы бежевого цвета.

– Снимай, – прошипела Люська.

Скинув трусы, та обмоталась простыней и застыла. Удивительно, но стуки прекратились. А мы так и просидели до вечера.

Когда за окном стемнело, мы встали. И тут раздался звонок в дверь. Варвара Петровна была на конференции, так что нам было ясно: звонят чужие. И мы не открыли. А потом зазвонили все телефоны. Сначала мой, затем Люськин. За ними – новый звонок в дверь. Нам было страшно. Кто это названивает? Звонки прекратились, и мы решили одеться. Затем, попрощавшись с Люськой, я и Наташа выскочили на лестничную площадку. Я побежала вверх на пятый этаж, Наташа вниз. И тут вырубил свет. Я слышала, как взвизгнула Наташа, как где-то хлопнула дверь. Перепрыгивая через ступеньки, я понеслась на пятый этаж. Дверь нашей квартиры была открыта, на пороге стояла мама.

– Где ты была? – спросила она.

– У Люськи.

– Зачем надо врать? – возмутилась мама. – Я звонила в Люськину квартиру, там никого не было.

– Мы слышали звонок, но не открыли дверь.

– Почему?

Если бы мне было семь, десять или двенадцать лет, я бы рассказала маме о том, как мы вызывали дух индейского колдуна, как он шумел, как мы испугались, как сидели в простынях. Но мне было пятнадцать, и мне была свойственна категоричность.

«Не веришь – твои проблемы, – рассуждала я. – Не буду рассказывать, хоть пытай».

Чем больше мама настаивала, тем больше я замыкалась в себе. Через минуту наше противостояние вызвало у меня чувство бешенства. И все потому, что мама бросала взгляды на мою выбившуюся из брюк рубашку. Вот это мне не понравилось. Категорически не понравилось.

Короче, я взъерепенилась, наговорила маме гадостей, и меня опять наказали. На сей раз посадили под замок. До окончания незапланированных каникул.



Глава 7 Чур меня, чур!

Многие девчонки гадают, гадала и я. Прятала записки с желаниями, капала в воду воск, жгла бумагу, задавала вопросы сборнику стихов Пушкина и, выскочив на улицу, спрашивала имя у первого встречного. Однако самым необычным было гадание на зеркалах.

После Нового года мы с Люськой поехали в молодежный лагерь. С нами в комнате жила еще одна девушка. Звали ее Шурочка. Это был интересный типаж. В ее голове крутились всевозможные выдумки, розыгрыши, истории – словом, чудеса под каждым кустом.

Порядки в лагере были строгими, и после десяти вечера мы запирались в комнате и выключали свет. В ночь перед Рождеством Шурочка предложила гадать. Она достала свечи, квадратное зеркало, горсть зерен. Затем налила воды в блюдце, бросила туда зерна и, подождав, когда они слегка набухнут, предложила их съесть.

– Зачем? – шепотом спросила я.

– Наступает сочельник, – ответила Шурочка. – Нужно есть сочиво.

Пожевав сладковатое месиво, я застыла. Сама не знаю почему. Видимо, настраивалась на чудеса. Шурочка бросилась к окну и, распахнув его настежь, опустила руки в лежавший за рамой снег.

– Умывайтесь, – приказала она.

– Зачем? – удивилась я.

– Снег, собранный в рождественскую ночь, дарит незамужним девушкам красоту, – пояснила Шурочка.

Вы можете назвать хоть одну девушку, которая не мечтает быть красивой? Я, например, нет. Мы с Люськой бросились к окну и, повизгивая от холода, стали натирать снегом кожу. Не знаю, опустилась ли на нас красота, но яркий румянец мы получили. Закрыв окно, Шурочка пододвинула стол к висевшему на стене зеркалу, расставила свечи и повернулась к нам с Люськой:

– Будем гадать. Кто самый храбрый?

Мы молчали.

– Ариш, ты – первая, – немного подумав, скомандовала Шурочка.

– Почему я?

– У тебя день рождения раньше всех.

Как говорится, против логики не попрешь. Я послушно села за стол, Шурочка зажгла свечи и, вручив зеркальце, сказала:

– Ставишь зеркальце напротив большого зеркала и внимательно смотришь внутрь. Как только увидишь зеркальные ворота, повторяй про себя: «Суженый, ряженный, появись в моем зеркале». Он и появится. Только не забудь: как только он подойдет ко вторым от тебя воротам, плотно прижми зеркальце к большому.

– Зачем?

– Так нужно, – таинственно шепнула Шурочка и, отойдя от стола, растворилась во тьме.

В комнате повисла тишина. Я зажгла свечи и, выполнив инструкции, заглянула в зеркальную анфиладу. Никого. Только ворота, уходящие в глубину зеркала. Это было незабываемое зрелище. Свечи напоминали факелы, их языки колебались и создавали иллюзию сквозняка, зеркальная анфилада уводила взгляд в магическую даль. На меня снизошли покой и умиротворение.

Сколько я так просидела, не знаю. Наконец что-то изменилось. В дальних воротах появилась чуть заметная точка. Она двигалась по направлению ко мне и на глазах превращалась в палочку. Вот палочка подошла ближе, еще ближе. Вот поменяла свои очертания. Я увидела руки, ноги, голову, смутные очертания лица... Я приблизилась к зеркалу, и на моих глазах произошло превращение. Палочка превратилась в парня. У него были темные волосы, прямой нос, светлая кожа и пронзительный взгляд.

– Закрывай! – раздался истошный вопль Шурочки.

Резко дернувшись, я свалилась со стула и первый раз в жизни потеряла сознание. Когда я пришла в себя, комнату озарял свет, а около меня суетилась медсестра.

– Ничего не пойму, – ворчала она. – Откуда шишка?

– Угол кровати виноват, – послышался голос Шурочки. – Сначала Ариша закричала, затем вскочила и... шибанулась об угол.

– Страшный сон увидела? – посочувствовала медсестра и, шлепнув мне на голову мокрое полотенце, пошла к двери.

– Присмотрите за ней, – добавила она. – Если что, зовите.

– Это я виновата, – зашептала мне в ухо Шурочка. – Забыла предупредить. Прежде чем закрыть зеркальце, надо было сказать: «Чур меня, чур!»

Шурочка дотронулась до моей шишки.

– Видела его? – спросила она.

Тяжело вздохнув, я кивнула. В голове царил сумбур, глаза закрывались, хотелось одного – спать...

А в конце января мы с Люськой пошли на дискотеку. Я нацепила шелковую юбку, надела баретки, пригладила вихры. Танцплощадка в большом зале Дома молодежи должна была, по замыслу устроителей, изображать космическое пространство. Видимо, чтобы возноситься в мечтах в заоблачную даль. Над танцплощадкой висели искусственные звезды, с потолка спускались стеклянные сосульки, из динамиков неслись звуки саксофона. Почему выбрали саксофон? Должно быть, решили, что его голос и голос космоса чем-то похожи.

Народ слонялся вдоль зала и ждал рок. Люська пошла за мороженым, я, глядя себе под ноги, подпирала стену.

– Можно вас пригласить? – послышался бархатный голос.

Я подняла голову. Темные волнистые волосы, прямой нос, светлая кожа и пронзительный взгляд... Это был ОН!!!

Мы танцевали под саксофон, и нас никто не видел – ни сосульки, ни звезды, ни Люська. По ее словам, войдя в зал, она меня не нашла. А когда затих саксофон, увидела за колонной. Вытянув шею, я смотрела на выход из зала ярко горящими глазами.

– Что ты там выглядываешь? – спросила Люська.

– Его, – ответила я.

Протянув мне рожок, Люська подошла к двери.

– Но там никого нет, – сказала она.

– Он ушел, – прошептала я. – Но обещал вернуться.

– Ты прямо как фрекен Бок, – проворчала Люська.

Она развернула рожок и, вытянув язык, смачно лизнула пломбир.

– Так кто обещал вернуться?

– Парень, который приходил на Рождество.



Глава 8 Остапа понесло

По словам папы, после Нового года Остапа понесло. Я знала, откуда это выражение, и хорошо понимала, кого папа имеет в виду, поэтому не возражала. Понесло и понесло. В моей груди полыхала любовь, и мне хотелось всех поражать.

Вернувшись из школы домой, я решила навести «марафет». Мама была дома, и я попросила заплести волосы в двадцать косичек. Мама согласилась.

«Завтра в классе будет фурор, – глядя на себя в зеркало, думала я. – Войду и сразу всех наповал. Прежде всего Ветрова, за ним Леликова».

Мишка Леликов был троечником. Но красивым. В отличие от Ветрова, он был высок и галантен. Чтобы вызвать Сашкину ревность, я строила Мишке глазки и давала списывать. Однако ревности не было. И я решила сменить прическу. Но как всегда, слишком спешила.

Я проснулась за двадцать минут до начала урока, но решила успеть. Я быстро умылась, быстро накрутилась, распустила косы... и оп! Тот самый случай, когда ожидаешь одно, а получаешь совсем другое. Мои волосы стали кудрявыми, и это было хорошо; но они встали дыбом, и это никуда не годилось. Тугие пружинки не хотели лежать прилично ни за какие коврижки. Я, как могла, пыталась выйти из этого положения. Мочила волосы, слюнявила, брызгала на них лаком, но все было напрасно. Попробовав расчесать локоны, я превратилась в одуванчик. В таком виде и полетела. Приземлившись у кабинета биологии, я распахнула дверь и сказала:

– Раиса Борисовна, извините. Я проспала.

Меня встретил гомерический смех. Смеялись все – и биологичка, и мои одноклассники. Усевшись за парту, я незаметно достала зеркало и взглянула на себя. Моя голова походила на облако. Да уж, полный фурор.

Но я своего добила – поймала однодневную славу. Да-да, так все и было. Весь день я привлекала внимание старшеклассников, и среди желающих сфотографироваться со мной не было отбоя. Первое фото я сделала с Люськой. Оно у меня до сих пор стоит на столе. Я словно облако, Люська похожа на солнце; у нас обеих – веснушки на носах, и обе улыбаемся.

Что говорить, глупостей в моей жизни было немало. Но это все черти виноваты. Кто же еще? Помню, спросила бабушку:

– Бабуль, скажи: черти с людьми играют?

– Еще как играют, – ответила бабушка.

Бабушка не будет врать. Если сказала, играют, значит, так и есть. Другое дело, не все это видят. Теперь-то я понимаю, люди делятся на две категории: первая влипает в дурацкие ситуации, вторая выходит сухой из воды.

Мы с Люськой относимся к первой категории. В этом нет никаких сомнений. Однажды, например, доигрались до вызова полиции. А дело было так.

Как-то раз, сидя на кровати Варвары Петровны, блуждали по социальным сетям, и нам было весело. Мы с кого-то смеялись, звонили одноклассникам и опять смеялись. Видел бы меня папа. Бесцельного времяпрепровождения он не выносил. Поэтому и держал меня под контролем. В контроль входило много чего, в частности – ограниченное пользование компьютером и айпадом. Но, по словам бабушки, вода дырочку всегда найдет. И я с бабушкой согласна. Если тебе не разрешают сидеть за компьютером, значит, надо его искать на стороне. Вариантов – вагон и маленькая тележка: можно заглянуть к друзьям, можно остаться в компьютерном классе или пойти в библиотеку. Что касается меня, то я сижу в Люськином айфоне. И все

потому, что своего айфона у меня нет. А у Люськи – шестая модель, подарок Варвары Петровны. А я сижу на бобах. Верней, с папиным старым «Самсунгом».

Короче, сидели мы с Люськой на кровати и, воткнувшись в «ВКонтакте», смеялись. И тут увидели осу. Такую огромную, что оторопь взяла.

- Откуда оса? – прошептала я. – Зима на дворе.
- Наверное, с осени, – ответила Люська. – Спряталась в балдахине и уснула.
- Осы так долго не живут.
- Может, это и не оса?
- Кто же тогда?

Пока мы перешептывались, оса решила размяться. Она взлетела под потолок и с невероятным жужжанием продемонстрировала нам с Люськой мертвую петлю. Вскочив с кровати, мы понеслись в другую комнату. Оса полетела за нами. Мы побежали на кухню, однако оса уже ждала там. Она делала перед нами кульбиты и свирепо косила огромным глазом. Или нам это казалось? Так или иначе, но оса нас чуть с ума не свела. Мы махали перед ней полотенцем, прыгали на диван, прятались под стол. И все это время орали.

- Мапочка, убивают!
- Спасите!
- А-а-а! Боюсь!

Оса продолжала свои дурацкие игры. Покружившись под потолком, она пикировала вниз и делала перед нами разворот. Затем опять поднималась вверх и начинала сначала. Мы с Люськой легли на пол и ползком добрались до коридора. И тут позвонили в дверь. Сначала коротко, потом нетерпеливо. Наконец в дверь стали тарабанить. Мы замерли.

- Открывайте, полиция!

Люська открыла дверь, и мы увидели двух полицейских. Они держали в руках оружие. Откинув нас в сторону, полицейские ринулись в комнату. Раздался звук упавшего стула, звон стакана.

- Где они? – вернувшись в коридор, рявкнул полицейский.
- Кто? – прошептала Люська.
- Преступники.
- Там оса.
- Какая оса?

В коридор вышел второй полицейский.

- Никого нет, – доложил он. – Только шмель.
- Что шмель? – не понял первый.
- Я его убил.

Обыскав квартиру, полицейские успокоились. Они сказали, что их вызвали соседи.

- Зачем? – удивилась Люська.
- Соседи слышали крики и позвонили. Это вы так орали?

Опустив взгляд, Люська призналась, почему мы орали. На лицах полицейских появились кислые гримасы.

– Более глупого вызова еще не было, – закрывая за собой дверь, сказал тот полицейский, что был постарше.

- Да уж, – согласился младший. – Скажи кому, поднимут на смех.



Глава 9 Первое апреля

Первое апреля в этом году пришлось на субботу. День был на редкость пакостным. Размазывая по стеклу струи воды, за окном завывал ветер. В душах девятиклассников, сидевших в кабинете русского языка, царило плохое предчувствие. Мы с напряжением ждали Марью Васильевну. Оно и понятно: нам был обещан контрольный диктант.

Войдя в кабинет, Марья Васильевна подошла к столу и, положив журнал, застыла на месте. Мы почувствовали неладное. Взгляд маленьких глаз полз по нашим лицам и, остановившись на ком-нибудь, ярко вспыхивал. Ветер за окном зашелся в истерике, и, не выдержав напряжения, я всхлипнула. Марья Васильевна ожила.

– Сначала кое-что выясним, – сказала она.

Мы были готовы к фразе «достаньте двойные листочки», а тут «кое-что выясним». Когда такое бывало? И с какой стати грозный взгляд? Будто под дулом пистолета стоишь.

Все напряженно смотрели на учителя. Вернее, ждали чего-то ужасного. Так бывает. Вроде не виноват, а понимаешь: наказание рядом. За что – это другой вопрос, главное – уверен, тебя накажут.

– К доске пойдут... – Сделав паузу, Марья Васильевна выдала «пулеметную» очередь: – К доске пойдут Ветров, Лыткин, Леликов, Асина и Арионова. Остальные могут сесть.

Девятиклассники шумно опустили на стулья. Первым к доске вышел Лыткин. Его губы растянулись в нелепую улыбку, уши горели, в глазах застыло недоумение. Дескать, что происходит? И почему я? За Лыткиным вышли Ветров и Леликов. Оба хорохорились как могли. И выглядели похоже. Руки в карманах брюк, взгляд устремлен к окну. Типа плевали на всех – и на Марью Васильевну, и на диктант, и на вызов к доске. Последними вышли мы с Ольгой Арионовой. Встав рядом с мальчишками, я взглянула на Люську. Та, полая волосами, ерзала на своем месте.

Арионова кривила губы. Ее правильные черты лица выражали крайнее недоумение. Что за бред? И почему я оказалась в этой компании? Похожие вопросы волновали и меня. Все потому, что в пятерке, стоящей у доски, не было соответствия – то есть того самого, что так любила Марья Васильевна. Леликов и Лыта – троечники и раздолбаи; Ветров – хорошист, но общепризнанный клоун; Асина – почти отличница, однако особа с неуравновешенным характером – такая всякое может отмочить; Арионова – лучшая ученица в 9 «А», можно сказать, гордость школы. Словом, что за дела, товарищи?

Наконец Марья Васильевна прервала затянувшееся молчание.

– Руководство школы все знает, – сказала она.

Брови стоящих у доски, как по команде, взлетели вверх.

– Ваши родители уже вызваны в школу. Полиция прибудет с минуту на минуту.

Леликов оторвался от залитого дождем окна.

– В смысле? – спросил он.

Мишка спросил, как человек много битый и уже не ждущий от жизни ничего хорошего.

– В смысле за ваши безобразия, – перешла в наступление Марья Васильевна. – Это надо же – банду сколотить. И кто во главе? Лучшая ученица школы.

Испепелив Арионову взглядом, Марья Васильевна продолжила:

– Настоящий стратег, ничего не скажешь. Все было продумано до мелочей. И время, и место, и орудия преступления.

Класс ахнул. Казалось, Марья Васильевна сошла с ума. Надо же такое придумать: Арионова – глава банды!

Марья Васильевна перевела взгляд на меня.

– И ты, Асина, хороша. Позволь поинтересоваться: как представляешь встречу отца с полицией?

Судорожно вздохнув, я попыталась сдержать слезы, но мне это плохо удавалось. И тут к доске выскочила Люська. Она была похожа на рыжую бестию. Глаза горят, веснушки с копейку, в руках – учебник по русскому языку. Зачем Люська схватила учебник, трудно сказать: то ли для того, чтобы прихлопнуть Марью Васильевну, то ли для обороны.

– Как вы смеете? – крикнула Люська, встав рядом со мной.

Марья Васильевна отступила к окну. Ее пережатые химией волосы воинственно вздыбились, грудь колыхнулась.

– Смею, – с вызовом ответила Марья Васильевна. – Ты слышала, что в спортзале бьют окна?

– Слышала, – насупилась Люська.

– Знаешь, сколько стоит их вставить?

– При чем здесь наши?

Марья Васильевна прислонилась к окну и словно уменьшилась в размерах.

– При том, что они били.

– Этого не может быть.

– Все доказательства налицо.

Ветров встрепенулся:

– Какие еще доказательства?

– Есть свидетели, – отчеканила Марья Васильевна. Чуть помолчав, она добавила: – Но главное то, что есть отпечатки пальцев на камнях, которыми были разбиты стекла. И они совпадают с отпечатками пальцев вашей пятерки.

– С нашими отпечатками пальцев? – переспросила Арионова.

– Да, – скорбно поджав губы, кивнула Марья Васильевна.

Ольга усмехнулась и, откинув тяжелые косы, сказала:

– Неувязочка вышла. Дело в том, что я своих отпечатков пальцев не сдавала. Так что вам не с чем сравнивать.

И тут Марья Васильевна рассмеялась. Она смеялась громко, с надрывом, с восклицаниями «ой!», «это же надо!», «ну, не могу!». Затем достала огромный платок и, высморкавшись, сказала:

– С первым апреля! Можете садиться.

Девятый «А» зашумел.

– Ну и прикол!

– И от кого? От Марьи Васильевны!

– А я думал, она и улыбаться не умеет...

– Чего только в жизни не бывает!

Отвесив Ветерку подзатыльник, Леликов получил сдачу, чему все несказанно обрадовались. Лыта состроил рожу, а я, схватив Люську за руку, вприпрыжку побежала к парте. Арионова округлила глаза и, что-то буркнув под нос, поплыла на свое место. Класс затих. Похоже, все ждали продолжения.

Блеснув глазами, Марья Васильевна сказала:

– Диктанта не будет. Какой диктант первого апреля?



Глава 10 Бета-троица

Сочинив «Сказку о царе Салтане», Пушкин подарил миру не только князя Гвидона с царевной Лебедью, но и ткачиху, повариху, сватью бабу Бабариху. Как известно, все эти дамы плели интриги, подсовывали подметные письма, клеветали, завидовали, сплетничали... и получали от этого большое удовольствие.

Бета-троица – их достойный потомок, только вот дела помельче. Это неудивительно. И возраст не тот, и королевство маловато. Однако нашего класса бете-троице хватало. Так получилось, что бета-троица в 9 «А» стала центром пусть небольшой, но отдельно взятой Вселенной. Троица судила, миловала, строила взаимоотношения, тут же их разрушала, лестила, получала комплименты, доводила до слез, упражнялась в остроумии, демонстрировала смирение, притягивала, отталкивала, топтала, поднимала из грязи – словом, жила самой что ни на есть интересной жизнью.

В состав бета-троицы входили:

1) Елизавета Николаева. Глава бета-троицы, современная сватья баба Бабариха. По характеру – лидер. Маленькая, симпатичная, хитрая.

2) Ирина Корнюшина. Она же ткачиха. Маленькая, узкая, темноволосая, кокетливая, недалекая, вертлявая.

3) Татьяна Вяльцева. Нынешняя повариха. Маленькая, некрасивая, умная, молчаливая, коварная, с сальными волосами и прыщавым лицом.

Ветров тусил с бета-троицей с большим удовольствием. Мало того, бывал в гостях у Николаевой. Там бета-троица и собиралась. Что они делали у Николаевой, я не знаю. И Люська не знает. И Наташка, и многие другие. Однако Люська и Наташка в компанию к бета-троице не стремились, а мне хотелось. Зачем? Я и сама не знаю. Может, потому, что с троицей дружил Ветров; может, стремилась к огню, как ночной мотылек.

Николаева, Корнюшина и Вяльцева вели себя как маленькие женщины. Они умело пользовались косметикой, прятали свои мысли, не лезли на рожон, не кричали, не ругались, умели слушать и говорить ребятам то, что те хотели бы слышать. И подходили любому парню. Все потому, что умели общаться с мальчишками и имели рост метр пятьдесят пять сантиметров. Таких сейчас мало, ведь современные девочки сплошь и рядом – высокие. Взять, например, нас с Люской. У меня – метр шестьдесят семь, у Люски – метр семьдесят два. И размер ног – ого-го-го какой! – тридцать девятый и сороковой соответственно. А у бета-троицы ножки тридцать четвертого и тридцать пятого размера. В отличие от нас с Люской, у них проблема в том, что маленьких туфель на высоком каблуке найти трудно. Об этом бета-троица говорила часто, а заодно и о том, что среди аристократов девятнадцатого века очень ценили маленькие ножки. Дескать, и Пушкин об этом писал, и Лермонтов, и Тютчев. Подобные разговоры вызывали комплекс неполноценности. Я сутулилась, ходила на полусогнутых, загоняла ноги в тесную обувь, и все для того, чтобы изящнее выглядеть.

В начале апреля бета-троица развернулась в мою сторону. С какого рожна, не знаю. Все началось с того, что Николаева спросила:

- Ариш, можешь подойти к Чистым прудам часам к пяти?
- Могу.
- Тогда до встречи.

Николаева улыбнулась и поплыла к окну. Там уже стояли Корнюшина с Вяльцевой. С трудом скрыв радость, я вернулась в класс. Люська на перемену не выходила, поэтому о разговоре с Николаевой не подозревала.

* * *

К пяти часам дня я подошла к Чистым прудам. Николаева была уже там. Одна, что обрадовало.

– Надеюсь, нам удастся поговорить, – улыбнувшись, сказала она.

Я посмотрела по сторонам. По дорожке шли мамы с колясками, на лавочках сидели пенсионеры.

– Ты есть «ВКонтакте»? – спросила Николаева.

– Нет.

– Почему?

– У меня уже был негативный опыт общения в социальной сети.

– У меня тоже, – вздохнула Николаева.

На некоторое время между нами повисло молчание. Каждый думал о своем. Наконец Николаева сделала вступление:

– Люблю весну. Мать-мачеха вдоль дорожки... – И, не договорив, спросила: – Ты бы хотела со мной дружить?

Сердце ухнуло вниз, и я прохрипела:

– Но у тебя есть Ира и Таня, а у меня – Люська.

– Вяльцева с Корнюшиной мне надоели, – ответила Николаева. – Одни и те же разговоры. А мне хочется новых отношений. Искренних.

«С чего это она разоткровенничалась?» – подумала я.

– Сначала было интересно. Согласись, Ирка с Танькой – прикольные. А потом мне надоело.

– Почему?

– Попадись на язык, съедят. А я – не злая. – Бросив на меня взгляд, Николаева продолжила: – Но сразу трудно порвать, ты же понимаешь. Помнишь, как в «Маленьком принце»? Мы отвечаем за тех, кого приручили. Вот я и подумала: хорошо бы подружиться с тобой. Ты – романтик, а я обожаю романтиков. Они всегда интересно живут. А у меня – проза. Душно и противно.

Здесь надо сделать пояснение. Это сейчас я рассказываю с некоторой долей иронии, а тогда... тогда мне казалось, что на мои плечи опустилось счастье. Большое и светлое. Мне предлагают дружбу. И кто? Глава бета-троицы.

«Вот подружусь с Николаевой, – думала я, – научусь подчинять мальчишек, красиво говорить, загадочно молчать. Словом, производить впечатление. А что плохого? Девушка должна уметь производить впечатление. А мы с Люськой этого совсем не умеем. И все потому, что никто не учил».

Взяв меня за руку, Николаева заглянула в глаза.

– Ну как? – спросила она. – Дружим?

– Дружим, – ответила я.

– Вот и отлично. Но наша дружба должна быть тайной. Согласна?

Я кивнула.

«Пусть будет тайной, я не возражаю».

Глаза Николаевой сверкнули, как звезды. Реально сверкнули.

– А как сохранить дружбу в тайне? – спросила я.

– Мы будем переписываться. Если тебя нет «ВКонтакте», давай писать друг другу в чате фейсбука?

– Не хочу, – твердо ответила я.

– Тогда можно писать эсмэски. Или письма.

– Лучше уж письма.

– Идет, только напиши первая.

Николаева продиктовала адрес, потом взглянула на часы и заторопилась.

– Извини, – улыбнулась она. – Скоро мама придет, а у нее нет ключей.

– Тогда пока, – сказала я.

Перемены последовали на следующий день. Только не те, на которые я рассчитывала.



Глава 11 Письма

16 апреля

Лиза, привет!

Вчера с Люськой ходили в парк. Встретили Ветерка с Дюковым. Они собирали мать-и-мачеху, а по дороге домой рассказывали анекдоты. Дурацкие, на мой взгляд. Договорились встретиться сегодня вечером.

16 апреля, вечер

Ариша, привет!

Видела вас. Мы тоже гуляли в парке. Я, Вьяльцева и Корнюшина. Подходить не стали. Чтобы не мешать свиданию. Похоже, ты Ветрову нравишься. А он тебе?

17 апреля

Мы с Сашкой знакомы тринадцать лет, так что у нас – дружеские отношения. Мы жили в одном доме, в одном подъезде и ходили в один детский сад. В детсаду Сашка с Дюковым любили играть в футбол. И меня брали с собой. Поставят на ворота и носятся – голы забивают. Давно это было. С тех пор мы редко гуляем вместе. Все некогда. К тому же я записалась в секцию фигурного катания, Ветерок – в музыкальную школу. Но он мне всегда нравился. Веселый, симпатичный. И поет хорошо.

18 апреля

Вот удивила. Не знала, что Сашка поет. К тому же ходил в музыкальную школу. Вот это новость. Признайся, он тебе пел?

19 апреля

Три года назад, еще до твоего прихода в наш класс, Сашка отмечал день рождения. Он пригласил нас с Люськой, Леликова, Дюкова и Лыткина. Было весело. Сначала играли в чепуху, потом Сашка спел под гитару. Я не знала, что в музыкальной школе он учится по классу гитары – думала, на фортепьяно играет. Оно у него есть. Помню, попросила показать аккорды на гитаре. Сашка пообещал. Но обещать он – мастер, а как до дела доходит, все потом и потом.

20 апреля

А знаешь, мне Ветерок тоже нравится. Как друг, конечно. Веселый, бесшабашный. Но больше нравится Леликов. Скажи, симпатичный? Высокий, с длинными ресницами. И хорошо воспитанный. Насколько я знаю, отец Леликова – главный инженер на авиазаводе. А Ветерок – слишком легкомысленный. Когда бывает в нашей компании, я настороже. Как бы он не поссорился с кем-нибудь или что-то не ляпнул.

21 апреля

Сашка – хороший парень. Однако он – артист. Строит из себя то хулигана, то мальчика-паиньку, то дружбана в доску. Мне кажется, сейчас осваивает новую роль – обольстителя. Строит девочкам глазки, говорит комплименты. Да и одевается не так, как другие. Здесь ему мама помогает. Насколько я знаю, она работает в Доме моды. С Мишкой Лелико-

вым его и близко поставить нельзя. Знаешь почему? Мишка туповат, а Сашка – сообразительный. И книжек много читает. У них дома большая библиотека. От Сашиной бабушки осталась. Ты в курсе, что бабушка Ветрова – известный искусствовед? Она в свое время работала в Музее Пушкина.

22 апреля

Читаю письма с большим интересом. Мне кажется, у тебя есть литературные способности. Да-да, вот закончишь институт и станешь писателем. Напишешь много книг и, кто знает, может, вспомнишь о нашей с тобой переписке.

22 апреля, вечер

Стать писателем – моя мечта. О ней только Люська знает, теперь вот ты. Прозу пока не пишу, а стихов набралась целая тетрадь. В основном детских. Вот одно из них. Я его написала ко дню рождения двоюродного брата.

Делать все хочу, как мама:

Взять кастрюлю, постирать, Мне своих игрушек мало, Надоело в них играть.

Шпильки, лампы, авторучки, Ленты, платья и духи, Все потрогать хочу ручкой, Не отнять – не подходит.

23 апреля

Теперь понимаю, почему вы с Сашкой тянетесь друг к другу. Не отрицай. Вижу, с какой симпатией ты о нем пишешь. И Сашка о тебе тепло говорит. Вчера был у меня в гостях. Зашел разговор о девочках из нашего класса, так Сашка тебя первой назвал. И еще сказал, что ты – самая умная и самая симпатичная. Танька, конечно, сморщилась. Она тебя к Сашке ревнует. Да и симпатичной не считает – говорит, нос слишком большой. Но это – ее личное мнение. Мне и Ветерку так не кажется. Мы с ним считаем, что у тебя – греческий нос.

24 апреля

Я в шоке. Не думала, что ты будешь обсуждать с Сашкой и своими подругами мой нос. Ужасно неприятно.

24 апреля, вечер

Ариша, прости! Не хотела тебя обидеть. Сама знаешь, как у девчонок бывает. Стоит заговорить о ком-то, так в поле зрения попадают и нос, и глаза, и волосы, и ноги, и руки... Да что там, ни один прыщ не спрячется. К тому же этот разговор Танька завела, а она тебе завидует. Это я точно знаю. Ветерок ее будто поддразнивает. Говорит: «Ариша и на коньках катается лучше всех». Вот Танька и бесится. Будь с ней осторожней. Хитрая она.

25 апреля

Твои слова о Татьяне меня удивили. Она ведь твоя подруга.

26 апреля

Подруга. Ну и что? Разве подруги вне критики?

Обещай, что моих писем никому не покажешь. Даже Люське.

27 апреля

Не волнуйся. Писем никому не покажу. Я умею хранить секреты.

27 апреля, вечер

То, что умеешь хранить секреты, поняла сразу.

Когда пришла в ваш класс, попала на разбирательство. Помню, тогда выясняли, кто вылил тушь на учительский стул. Ты в классе дежурила, значит, видела. Но не рассказала.

Ветров, наверное, да? Подобные хохмы – в его стиле.

28 апреля

Нет, не Ветров. Но извини, тебе тоже не скажу. Обещала.

Что касается Саши, у него разные хохмы – и плохие, и хорошие. В начальной школе, например, он, прочитав «Тимура и его команду», организовал в классе тимуровское движение. Начал с себя и Дюкова. Они выяснили, кто в нашем подъезде воевал, вырезали красные звезды и приклеили ветеранам на двери. Затем разбили свои копилки и купили ветеранам сладостей. Потом подключили ребят из нашего дома, и вскоре началось шефство над ветеранами. Мы даже концерт им устроили. В сквере между домами. Пели песни, рассказывали стихи. А в школе об этом никто не знал. Мы специально не говорили, чтобы не думали, что шефствуем из-за галочки.

Та к получилось, что 9 мая в нашу школу пригласили ветерана из дома. Он увидел нас на торжественной линейке и рассказал о шефстве. Помню, как удивился Павел Сергеевич – наш завуч. Прежде всего из-за Ветрова. Погладив Сашку по голове, он сказал: «В тихом омуте черти водятся. И наоборот». Дома я спросила: «Что имел в виду Павел Сергеевич?» – «Под маской скромника могут кипеть такие страсти, что только держись», – ответил папа.

29 апреля

Ариш, у меня предложение. Давай составим портреты наших одноклассников. Мне кажется, это – хороший опыт. Могу начать первой. Например, с Мишки Леликова. А ты составь портрет Сашки Ветрова. Договорились?

30 апреля

*Как-то неожиданно все это. Но можно попробовать.
Начинай.*

1 мая

Леликов Михаил.

Высокий, стройный. Карие глаза с длинными ресницами. Каштановые волосы средней длины. Полные губы. Аккуратный, хорошо воспитанный, спортивный. Любит угощать девочек шоколадными конфетами.

Учится неважно, любимый предмет – физкультура. Не подлый, не жадный, не трусливый.

6 мая

*Лиза, извини! Сразу написать не могла – уезжала с родителями в гости. Продолжаю.
Ветров Александр.*

Маленького роста. Глаза – небольшие, но выразительные. Чаще грустные, чем веселые. Губы – тонкие, высокие скулы. Когда волнуется, на скулах появляется бледно-коричневый румянец. Руки, как у девочки, – узкие, с длинными пальцами.

Неспортивный. Любимый предмет – литература. Играет на гитаре, хорошо поет. Неусидчивый, беспокойный, вертлявый.

Нравится внимание, комплименты; раб своих желаний. И перевертыш. Когда захочет, может быть другом, а может и высмеять у всех на глазах.

* * *

Седьмое мая было воскресеньем. Я занималась делами, когда раздался звонок. Открыв дверь, увидела Мишку Лаврова. Он переступал с ноги на ногу и, опустив взгляд в пол, молчал.

– Что случилось? – спросила я.

– Поговорить нужно.

– Прямо сейчас?

Лавров кивнул.

– Подожди у подъезда. Сейчас выйду.

Я заглянула на кухню и, сказав маме, что надо поговорить с Лавровым, побежала вниз. Мишка стоял у двери.

– Николаевой больше не пиши, – пробормотал Лавров.

Резкий порыв ветра распахнул куртку, однако я не обратила внимания на холод. В голове пульсировала мысль: «Лавров знает о нашей переписке. Но откуда?» Мишка не дождался вопроса.

– Николаева читает твои письма вслух.

У меня перехватило дыхание.

– Кому?

– Приближенным.

Сотни ножей вонзились в тело. Лезвия рвали мышцы, кромсали хрящи. Я еле устояла на ногах.

– В Лизкиной компании – Корнюшина, Вяльцева, а из ребят – Лыткин, Леликов, Ветров.

– Откуда знаешь?

– Был у нее сегодня. – Искоса взглянув на меня, Лавров потупился. – Они смеются над тобой.

Мое лицо залила краска.

– И ты смеялся?

Лавров съежился.

– Нет. Как только закончили читать, я попрощался и пошел к тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.